

Заключение

В центре внимания представленной коллективной монографии находились анализ данных и систематизированное обсуждение важнейших результатов крупномасштабного Всероссийского выборочного социально-демографического исследования (микрорепериси) 2015 г. (МПН-2015). Главной задачей авторов было оценить качество данных последней микрорепериси и интегрировать полученную новейшую статистическую информацию в общий контекст результатов фундаментальных исследований долговременной демографической динамики в России. Фактически в работе представлено исследование изменений в демографических и миграционных процессах в России в последние десятилетия, выполненное на базе текущей (ежегодной) и переписной статистики населения, дополненное углубленным анализом данных микрорепериси населения 2015 г.

Главную методологическую проблему анализа и использования данных микрорепериси 2015 г. представляет варьирующийся по территориям размер выборки, который совсем не обязательно пропорционален доле численности регионов в общей численности страны. В выборочной совокупности систематически завышено представительство малочисленных территориальных единиц и соответственно занижено представительство крупных регионов, в том числе крупных городских агломераций. Такое организационно-методологическое решение было принято в ответ на низкое общее число опрошенных и с целью обеспечения возможности получить репрезентативные итоги по обобщающим демографическим и социально-экономическим характеристикам на уровне муниципальных районов и городских округов с численностью населения не менее 70 тыс. человек. В результате, как показало разностороннее изучение результатов микрорепериси, страдает репрезентативность данных МПН-2015 по стране в целом, наблюдается большая или меньшая смещенность характеристик населения: по территориальному распределению, возрасту, брачному состоянию, демографической структуре домохозяйств, длительности проживания населения в месте опроса, распределению женщин по числу рожденных и ожидаемых детей и др.

Опросный лист содержал 28 вопросов, при этом в дополнение к стандартным для переписей населения вопросам (родственные отношения, пол, дата рождения, состояние в браке, национальная принадлежность, источники средств к существованию, число рожденных детей, образование, обучение в образовательных учреждениях и посещение дошкольных учреждений, наличие работы и поиск работы в случае ее отсутствия) были добавлены расширенные блоки о гражданстве (история получения российского гражданства и прежнее гражданство), миграции (предыдущие места жительства), месте регистрации (для оценки отклонения численности постоянного населения от юридического), пользовании различными языками в повседневной жизни, об оценке состояния здоровья и факторах, влияющих на принятие решения о рождении детей. Итоги МПН-2015 опубликованы на сайте Росстата www.gks.ru в виде таблиц с абсолютными нераспространенными на генеральную совокупность и прямыми относительными данными.

По сравнению с микропереписью 1994 г., в 2015 г. были сокращены два важнейших и традиционных раздела программы — брачность и рождаемость. Так, в разделе «Рождаемость» спрашивалось только о числе рожденных детей, без указания на то, сколько из них живы, сколько из них живут отдельно, очередности и года их рождения, месяца и года смерти, если ребенок умер, и о числе ожидаемых и желаемых детей. Однако был добавлен вопрос о факторах, влияющих на принятие решения о рождении детей, в том числе получение материнского капитала. В первоначальном проекте программы, рекомендованном экспертной комиссией, этот вопрос отсутствовал, но на последнем этапе был добавлен по требованию Минтруда России, отвечающего за проведение демографической политики в стране. В разделе «Брачность» учитывались только категории брачного состояния (как и прежде), а вопросы о годе вступления в первый брак, годе и причине его прекращения и времени вступления в повторный брак в вопроснике МПН-2015 отсутствовали (в первоначальном проекте программы они были).

В то же время программа МПН-2015 содержала новые вопросы о распространенности хронических заболеваний и инвалидности, которые впервые задавались российскому населению в рамках переписей и микропереписей населения. В международной прак-

тике они считаются полезными, потому что хотя и косвенно (по самооценке), но характеризуют здоровье населения. Также по сравнению с микропереписью 1994 г. были расширены блоки вопросов о гражданстве (добавлены вопросы об истории получения российского гражданства и прежнем гражданстве) и о миграции (добавлены вопросы о месте жительства в год ВПН-2010 и месте регистрации).

Следует особо подчеркнуть, что данные микропереписей, хотя и масштабных, но все-таки выборочных исследований, совершенно не предназначены для уточнения оценок численности населения всей страны или его отдельных регионов. Микроперепись населения 2015 г. характеризуется наименьшим объемом выборки (1,5%) на фоне прошлых микропереписей 1985 и 1994 гг. (5%) и тем самым еще менее предназначена для оценки абсолютных показателей: численности населения, рождений, смертей и мигрантов. Главная задача микропереписей населения — дать представление о направленности изменений базовых структурных характеристик населения: состояния в браке, этнической структуры, структуры домохозяйств по числу проживающих, распределения женщин по числу рожденных детей, распределения населения по продолжительности проживания, группам здоровья и проч. К этим данным, как правило, добавляется полезная информация результатов опроса мнений населения о предпочитаемом и ожидаемом числе детей, о системе мер проводимой государством семейной и демографической политики. В той или иной степени микроперепись населения 2015 г. выполнила задачи, свойственные подобного рода обследованиям населения и, как показывают результаты исследования, представленные в докладе, способствовала лучшему пониманию происходящих социально-демографических перемен в российском обществе.

Сформулируем основные выводы, которые вытекают из углубленного анализа изменения абсолютных, интенсивных и структурных характеристик населения, демографических и миграционных процессов в России за последние десятилетия.

Прекращение роста населения. Население России на начало 2017 г. составляло 146,8 млн человек. Долгое время население России росло: немногим более чем за 40 лет (с 1950 по 1993 г.) оно увеличилось в 1,5 раза — со 101,4 млн до 148,6 млн человек. Затем

рост населения прекратился. Это прекращение было не временным случайным событием, а закономерным результатом длительного демографического неблагополучия. Население страны давно уже увеличивалось лишь благодаря инерции, накопленной в возрастной структуре, уровень рождаемости не обеспечивал простого воспроизводства населения России начиная с середины 1960-х годов. С середины 1970-х годов некоторый вклад в рост населения вносила также миграция из бывших советских республик.

После 1993 г. началось сокращение населения страны, которое продолжалось 14 лет. Последние восемь лет (2009—2016 гг.) население росло, но рост невелик: оно увеличилось всего на 1,8 млн человек (без учета Крыма), и даже с учетом населения Крыма оно не вернулось к уровню 1993 г., после которого началась убыль населения. Главная же проблема заключается в том, что длительное сохранение даже этого небольшого роста маловероятно.

Нынешний рост обеспечивается почти исключительно за счет миграции. Положительный естественный прирост, появившийся в 2013 г., имел, скорее, символическое значение, по своей величине он был ничтожен, достиг 32 тыс. человек в 2015 г. (для сравнения: в 1985 г. он составлял 745 тыс. человек, в 1975-м — 809 тыс.), а в 2016 г. снова была зарегистрирована небольшая естественная убыль. Как показывают прогнозы (Росстата, ИДЕМ НИУ ВШЭ), она неизбежно будет быстро нарастать и даже по самому оптимистическому прогнозу к 2035 г. может приблизиться к 400 тыс. человек, а в случае если реализуется наиболее пессимистический вариант — может достичь 1 млн человек. В любом случае, возможности роста населения России в ближайшие десятилетия весьма ограничены. Определяющим фактором изменения численности населения России становится миграционный прирост. Он не только определяет изменение общей численности населения, но и при достаточной интенсивности и длительности оказывает существенное влияние на состав населения и его воспроизводство.

Изменения в демографической структуре домохозяйств. Основные изменения в демографическом составе домохозяйств в 1990-е годы были связаны с ростом доли неполных семей, главным образом материнских. Рост доли неполных семей происходил под влиянием нескольких факторов, к которым относятся высокий

уровень разводов и вдовства, а также рост числа внебрачных рождений. Кроме того, это десятилетие характеризовалось процессом, который можно назвать частичной «антинуклеаризацией» частных домохозяйств: объединение нескольких домохозяйств в одном жилище чаще всего по экономическим причинам.

Тенденции последнего десятилетия в основном продолжают тренды предыдущего за одним исключением — стабилизировалась доля неполных частных домохозяйств. Сложные многопоколенные домохозяйства также, видимо, не увеличивают свое присутствие в общей структуре.

Микроперепись 2015 г. по сравнению с переписью 2010 г. зафиксировала увеличение доли домохозяйств с двумя детьми и более среди как полных домохозяйств, так и домохозяйств одиноких супругов. Возможно, это есть результат активной демографической политики последнего десятилетия (усиление финансовой поддержки семей и, в частности, предоставление права на материнский капитал при рождении второго или последующих детей). Правда, сомнения в такой интерпретации вызывают увеличение доли многодетных среди неполных семей практически в той же пропорции, что и среди полных семей. В то же время нельзя проигнорировать и возможное влияние на оценку демографической структуры домохозяйств, в том числе и по числу детей в них, специфических особенностей дизайна выборки МПН-2015. Из-за небольшого объема выборки в структуре населения, участвовавшего в микропереписи, недопредставлены крупные регионы и городские агломерации, а также излишне представлены лица пожилого возраста. Так или иначе среднее число детей до 18 лет, принадлежащее на одно домохозяйство в 2015 г., лишь едва заметно больше, чем по результатам переписей 2002 и 2010 гг. (1,5 ребенка в 2015 г. против 1,4 в 2002 и 2010 гг.), и ниже, чем по оценке 1994 г. (1,6 ребенка).

Брачная структура населения и вероятность вступить в брак.

Данные МПН-2015 свидетельствуют о некотором повышении доли тех, кто имел опыт брака (супружества) в возрастах до 25 лет у мужчин и до 35 лет у женщин. Однако говорить о переломе тенденции в сторону более молодой брачности пока преждевременно. Нужны дополнительные исследования этого вопроса. Тем более что по данным официальной регистрации браков снижение возраста

женихов и невест не наблюдалось, а, напротив, продолжался устойчивый рост с середины 1990-х годов. Так, не исключено, что очевидное расширение понятия брака до «супружеского союза» при формулировке вопроса, впервые использованное в 2015 г., могло увеличить число молодых людей, решившихся отнести свои сожительства/партнерские союзы к числу браков/супружеских союзов, тем самым доля никогда не состоявших в «браке» снизилась.

Новейшие тенденции пока не привели к существенному изменению доли окончательного безбрачия. Доля лиц, никогда не состоявших в браке, в возрасте 50—54 лет и у мужчин, и у женщин увеличилась едва заметно, оставаясь в пределах 4—5%, т.е. на очень низком уровне в сравнении с другими развитыми странами.

Вплоть до переписи 2010 г. доля лиц, относящих себя к категории разведенных/разошедшихся, росла практически во всех возрастах. Перепись 2010 г. зафиксировала существенное изменение тенденции, которое подтвердилось данными МПН-2015. Так, среди мужчин до 40 лет (в особенности среди 20-летних) в последние годы наблюдается снижение относительного числа разведенных и разошедшихся как по сравнению с переписью 2010 г., так и по сравнению с еще более ранними опросами. У женщин, как свидетельствуют более свежие данные микропереписи 2015 г., мы имеем дело, скорее, с некоторыми колебательными и неочевидными трендами в разных возрастах.

По мере старения поколений — непосредственных свидетель Второй мировой войны и, тем более, предыдущих социально-политических и экономических кризисов число вдовствующих в России естественным образом сокращалось. В то же время данные опросов о брачном состоянии, проведенных в рамках переписей населения, включая перепись 2002 г., свидетельствовали о кризисной ситуации со смертностью, которая становилась все более острой, о чем говорил рост доли вдовствующих мужчин старше 50 лет. Повторные браки овдовевших мужчин, конечно, сглаживали ситуацию, в особенности учитывая наличие широкого выбора потенциальных невест — разведенных и вдовствующих женщин, однако не полностью. Перепись населения 2010 г. засвидетельствовала наконец-то первые признаки улучшения ситуации для мужчин и женщин. Микроперепись населения 2015 г. подтвердила сохранение положительных тенденций: во всех возрастах до 70 лет

число вдовствующих мужчин и женщин продолжило сокращаться и, что особенно отраднo, среди лиц среднего возраста, трудоспособного и репродуктивно активного.

Если верить результатам опроса, проведенного в рамках МПН-2015, то в эволюции брачной структуры российского населения произошел качественный перелом — доля состоящих в браке (зарегистрированном и незарегистрированном суммарно) мужчин и женщин повысилась во всех возрастных группах, кроме тех, кому было к моменту опроса 70 лет и более. Положительную роль сыграли и повышение интенсивности заключения браков, прослеживаемое с начала 2000-х годов, и снижение риска овдовения в силу достаточно быстрого снижения смертности и некоторой стабилизации показателей разводимости.

Следует особо остановиться на распространенности неформальных союзов в России. Микропереписи 1994, 2015 гг. и переписи населения 2002 и 2010 гг. позволяют проследить рост распространенности таких союзов за два десятилетия на основе наиболее репрезентативных для России данных выборочных исследований. Из данных МПН-2015 следует, что сегодня более чем каждый десятый брак не имеет официального оформления. Этот показатель удвоился по сравнению с 1994 г. Поэтому не удивительно, что в России каждый четвертый-пятый ребенок рождается вне официального брака. Новость, которую принесли данные микропереписи 2015 г., заключается в том, что среди 30-летних мужчин и женщин, 40-летних мужчин, среди женщин и мужчин 50 лет и старше отмечается снижение доли тех, кто декларирует, что союз, в котором они состоят с партнером, не имеет формального оформления. Возможно, мы имеем дело с признаками торможения или даже консервативного отката в процессе деинституционализации брака в России, отражающими складывающиеся в стране общественные настроения. А возможно, особенности дизайна построения выборочной совокупности опрошенных в рамках МПН-2015 сыграли определенную роль. Дальнейшие исследования, в том числе и данные очередной всеобщей переписи населения, ожидаемой в 2020 г., помогут лучше понять тенденции.

Наиболее принципиальные исторические тренды, подтвержденные и данными МПН-2015, заключаются в увеличении для россиянина времени пребывания в одиночестве как по причине

роста риска развода и соответствующего увеличения длительности пребывания в категории разведенных/ разошедшихся, так и по причине усиливающегося откладывания брака. Период одиночества после развода отнимает у брачной жизни в репродуктивном возрасте более четырех лет у женщин и почти три года у мужчин. Еще пару десятилетий назад, следуя традициям, в брак вступали существенно раньше, чем сегодня: время ожидания суженой и суженого увеличилось на два-три года и у мужчин, и у женщин.

Совмещение данных переписей/микропереписей населения о числе лиц, никогда не состоявших в браке, с данными текущей статистики регистрации браков позволяет построить по аналогии с классическими таблицами смертности (дожития) вероятностные таблицы брачности. Сравнение возрастных функций вероятности зарегистрировать первый брак для мужчин и женщин, полученных из таблиц брачности, базирующихся на данных переписей населения 1989, 2010 гг. и микропереписи населения 2015 г., показывает, что за 20 лет, разделяющих две первые исторические точки сравнения, произошли очень большие изменения: 1) падение общей интенсивности вступления в первый брак (двукратное в возрастах до 25 лет); 2) увеличение на несколько лет показателей среднего возраста женихов и невест; 3) расширение разнообразия возрастов при регистрации первого брака. За пять лет, отделяющих МПН-2015 и перепись 2010 г., отмеченные тенденции сохранялись, хотя и были менее заметны, в особенности для женщин.

По результатам серии таблиц брачности можно предположить, что показатель окончательного безбрачия для россиян повышается. Особенно проблематично выглядят перспективы для сельских мужчин — доля никогда не состоявших в зарегистрированном браке к возрасту 50 лет может превысить 10% (в соответствии с таблицами для 2015 г. — даже достигнуть 17%). Для женщин ожидаемая доля не имеющих опыта пребывания в официальном браке к 50 годам пока остается очень низкой по мировым меркам — 6–7%. Для большинства развитых стран ожидаемые оценки, как минимум, в 2 раза, а для некоторых стран с особо высоким распространением неформальных супружеских отношений — и в 3 раза выше.

Этнический состав населения через призму межнациональных семей. Процессы межэтнического взаимодействия, с одной сторо-

ны, оказывают влияние на формирование национального состава населения страны и его перспективы, а с другой — являются результатом длительных исторических событий и многочисленных специфических особенностей страны как многонационального государства. В работе были представлены результаты во многом инновационного исследования межэтнических взаимодействий на основе предложенных авторами различных индикаторов и характеристик этнически смешанных семей: метода декомпозиции и алгоритмов расчета межэтнических дистанций. Описанные новые показатели позволили существенно уточнить прежние выводы относительно распространенности межэтнических семей, обнаружить новые свойства и закономерности их формирования. Так, причина существенных различий в распространенности смешанных пар у разных национальностей, видимо, заключается не только во взаимной близости рассматриваемых этносов и народностей, населяющих Россию, которым они отдают предпочтения, но и в числе межэтнических барьеров, их высоте и силе. Эти барьеры носят различную природу — языковую, культурно-бытовую, профессиональную и проч. Многие из них «отдаляют» один этнос от другого и могут существенно препятствовать образованию смешанного брака или, по крайней мере, снижать его шансы. В результате того, что часть этнических групп имеет большее число таких барьеров, они выше или их труднее преодолеть, у них существенно снижается число таких смешанных браков. Кроме того, во многих этнических комбинациях число смешанных семей может объясняться не столько каким-либо взаимным межэтническим предпочтением потенциальных супругов, сколько их географической разделенностью, вызванной тем, что существенная часть этих народностей проживает в разных регионах страны. За счет этого вероятность их потенциальной встречи, проживания в одном населенном пункте, совместной работы или учебы существенно снижается, а значит, и существенно снижаются для них шансы формирования моноэтнической семьи.

Рождаемость и планирование семьи. Россия в 1990-х годах вступила на путь фундаментальной структурной трансформации модели рождаемости и брака, выразившейся в изменении ее возрастного профиля, интервалов времени между началом совместной жизни партнеров и рождением первенца, интервалов между рожде-

ниями детей различной очередности, структуре рождений в первом и повторном союзе, вне брака и многого другого. Безусловно, эти изменения, как и в других постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы, шли рука об руку с радикальными политическими и социально-экономическими изменениями в обществе, происходившими в то время, и не в последнюю очередь инициировались ими.

В то же время структурные трансформации модели рождаемости, как теперь уже можно с уверенностью утверждать, опираясь в том числе и на данные микропереписи 2015 г., слабо сказались на итоговых показателях рождаемости реальных поколений (или истинном уровне рождаемости), но в то же время вызвали серьезные колебания в показателях рождаемости для условных/гипотетических поколений и, в частности, такого широко известного показателя, как коэффициент суммарной рождаемости (КСР) для календарных лет, используемого сегодня в качестве целевого индикатора при формировании направлений и ориентиров демографической политики в России. Данный показатель не фактического, а весьма абстрактного, ожидаемого уровня рождаемости несовершенен и в условиях активно протекающей трансформации возрастного профиля деторождения способен давать дезориентирующие сигналы для политиков, на что неоднократно указывали специалисты.

Десятилетие, прошедшее после принятия радикальных пронаталистских мер в России, продемонстрировало их низкую демографическую результативность. Сомнений нет, что между переписью 2002 г. и МПН-2015 рождаемость в России снизилась, и для некоторых возрастов было характерно довольно быстрое ее падение. Можно также констатировать, что снижение итоговой рождаемости от поколения к поколению замедлилось в последние пять лет, и фиксируются даже едва заметные обнадеживающие признаки стабилизации, насколько об этом можно судить по результатам накопленной рождаемости 30-летних женщин.

По самой оптимистической оценке, основанной на надежных расчетах ожидаемых изменений в величине итоговой рождаемости реальных поколений, максимальная оценка демографического результата политики 2007—2016 гг. может быть оценена в раз-
мере 0,15 рождения на одну женщину. Эта оценка получена

отнесением *всего ожидаемого* положительного прироста итогового показателя рождаемости поколений на счет благотворного влияния политики по стимулированию рождаемости. Эта же оценка поддерживается наиболее надежными замерами мнений о желаемом числе детей, базирующимися на данных микропереписей 1994 и 2015 гг.

Однако, вероятнее всего, вклад политики в изменение уровня рождаемости в России в последнее десятилетие должен оцениваться скромнее. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты углубленного анализа долгосрочных тенденций рождаемости реальных поколений в России и других странах, в том числе соседей по Восточной Европе, также переживающих восстановительный рост показателей рождаемости для условных и реальных поколений, а также результаты наиболее надежных выборочных исследований семьи и рождаемости, проведенных в России (в частности, речь идет о замерах ожидаемого числа детей у женщин, проведенных в рамках МПН-2015, и др.). Скорее всего, действительный эффект политики по стимулированию рождаемости не превышает 0,1 рождения на одну женщину в терминах итоговой рождаемости поколений. Похожий эффект в прошлом имели инновационные меры советской семейной политики в 1980-х годах.

Действующая сегодня в России семейно-демографическая и социальная политика в целом имеет очень скромное влияние на уровень итоговой рождаемости поколений, но в то же время она оказывает серьезное воздействие на календарь или, точнее, на темпы деторождения, а также на некоторые структурные характеристики рождаемости. С достаточной уверенностью можно утверждать, что в России, по крайней мере временно, приостановилась тенденция постарения материнства, сократились до исторического минимума интервалы между первыми и вторыми рождениями у матери, несколько увеличилась вероятность повторных рождений (особенно заметно третьих по счету), в том числе в очень молодом возрасте и в первую очередь в группах населения с низким образовательным статусом, в сельской местности, а также среди представителей национальных меньшинств, не завершивших исторический переход к идеальной модели двухдетной семьи на основе эффективного внутрисемейного контроля рождаемости. Как следствие, Россия столкнулась с фактом увеличения социальной, ре-

гиональной и этнодемографической неоднородности, в особенности сельского населения, объясняемой неодинаковой реакцией на финансовые меры молодежных групп населения: социальные группы с рождаемостью выше средней отреагировали на стимулирующие меры сильнее, чем социальные группы с рождаемостью ниже средней.

Сохранят ли в дальнейшем самые молодые поколения россиян робко высказываемый ими сегодня оптимизм в отношении перспектив своего деторождения, покажет будущее. Приведет ли позитивный настрой молодежных групп к положительным сдвигам в фактическом демографическом поведении и к более высоким показателям рождаемости, совершенно не очевидно. Не исключено, что все отмеченные выше подвижки сведутся к хорошо известным конъюнктурным, календарным сдвигам в деторождении. Однако даже если надежды на подвижки в отношении уровня рождаемости подтвердятся, сами эти изменения не будут иметь принципиального значения с точки зрения режима воспроизводства населения страны. Более того, можно с уверенностью утверждать, что в средне- и долгосрочной перспективе при сохранении нынешних репродуктивных намерений и установок, а также при условии ожидаемых и возможных изменений жизненных условий, политики помощи семье не следует ожидать сдвигов в уровне рождаемости россиян, выходящих за границы колебаний, наблюдаемых в последние полвека. В обозримой перспективе нескольких десятилетий уровень рождаемости в России не будет достаточным для воспроизводства населения, тем самым постоянно будут актуализироваться проблемы негативного естественного прироста и роста населения страны в целом.

Изменение числа рождений обычно справедливо связывают с меняющимся числом вновь создающихся брачных пар и со сдвигами в брачной структуре населения. При этом исходят из того, что лица, находящиеся в браке, традиционно более склонны к рождению детей. В последние десятилетия в связи с массовым распространением супружеских союзов, не основанных на официальном браке (сожительств), жесткая связь рождаемости с тенденциями зарегистрированной брачности может быть поставлена под сомнение, на что, в частности, указывает динамика внебрачной рождаемости.

Снижение и рост общего числа рождений в России в послевоенное время сопровождалось как ростом, так и снижением доли внебрачных рождений. В какие-то периоды изменения этих показателей были синхронными, а в какие-то — асинхронными, как, например, во второй половине 1990-х годов, когда число внебрачных рождений быстро увеличивалось, а общее число рождений (в браке и вне брака) снижалось.

В последнее десятилетие на фоне общего роста числа рождений в России наблюдается сокращение доли детей, рожденных вне официального брака, среди всех родившихся. Казалось бы, можно ставить вопрос о снижении интенсивности внебрачных рождений. Однако специальные расчеты, опирающиеся на информацию о состоянии в зарегистрированных браках, полученную в переписях населения 2002, 2010 гг. и микропереписях 1994 и 2015 гг., свидетельствуют, что рождаемость условных поколений в зарегистрированном браке за последнюю четверть века в целом мало изменилась, хотя и претерпела существенные колебания в рассматриваемый период, в том числе и по причине конъюнктурных изменений социально-экономической и политической среды (в пределах 0,4 рождения в расчете на одну женщину), а рождаемость женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, напротив, демонстрировала монотонный рост, хотя и с замедлением темпа: в 2015—2016 гг. он стал на 60%, или почти на 0,2 рождения на одну женщину, выше по сравнению с началом 1990-х годов: 0,42 против 0,26.

Особое место в наших исследованиях занимает изучение инструментальной основы контроля рождаемости на внутрисемейном и индивидуальном уровне — меняющейся практики в области планирования семьи. В то же время информационная основа таких исследований никогда не была особенно широкой, а в последнее время обозначилось ее целенаправленное сужение со стороны Министерства здравоохранения РФ. В 2015 г. специалисты Минздрава России разработали, а Росстат утвердил новую форму для статистического учета аборт в учреждениях здравоохранения, входящих в систему Минздрава. Теперь аборт следует называть «беременностями с абортивным исходом» взамен «прерываний беременности» в прежних регламентирующих документах. Изменилось не только наименование абортов, но и содержание собирае-

мых сведений об абортах. Широкий блок «Беременность с абортивным исходом» включает помимо прерванных беременностей всеми способами еще и внематочную беременность, пузырный занос, анормальные продукты зачатия, неудачную попытку аборта и др. С одной стороны, учет стал в большей степени соответствовать Международной классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-го пересмотра (МКБ-10), но с другой — практически утрачена сопоставимость информации с предыдущими годами, что сильно затрудняет (если не сказать, делает невозможным) дальнейшее изучение сопоставимых рядов динамики аборт в России, в том числе по его основным видам. Всего в 2016 г. Ростатом было учтено 836,6 тыс. беременностей с абортивным исходом. Какую долю из них составляют искусственные аборты, неизвестно. Также нельзя определить, как изменилось число прерванных беременностей по сравнению с 2015 г.

Что касается государственной политики, то кроме ограничения доступности аборта, в том числе за счет навязывания дополнительных консультаций немедицинского профиля, и сокращения статистической информации об абортах в последние два десятилетия никаких мер по продвижению ответственного родительства в России не предпринималось. Напротив, Россия усилила пронаatalистский курс в социальной политике, что, по мнению многих чиновников, несовместимо с пропагандой контрацепции. Как показал анализ Европейского парламентского форума в области народонаселения и развития, Россия занимает одно из последних мест в Европе с точки зрения доступности надежной информации о современных методах контрацепции. Сексуальное образование по-прежнему отсутствует. Тем не менее контрацепция не запрещена, хоть и не входит в систему обязательного медицинского страхования, и при желании современные противозачаточные средства можно приобрести. Несмотря на равнодушие государства, контрацептивная революция в России продолжается, что благоприятно сказывается на динамике уровня аборт — их число сокращается.

Отношение к мерам семейной политики. Анализ ответов на специальный вопрос микропереписи 2015 г. показал, что наиболее привлекательна для населения такая предполагаемая мера семейной политики, как беспроцентная ссуда на приобретение жилья согласно социальным нормам на человека. Она опережает по популярно-

сти такие следующие за ней меры, как федеральный и региональный материнский капитал, возможно, потому, что предлагает альтернативу приобретению жилья посредством ипотеки, довольно рискованному в условиях нестабильной экономики. Наименее популярным среди респондентов оказался гибкий график занятости, в том числе надомная работа, видимо, в связи с тем, что участникам кажется, что в этом случае и зарплата будет меньше, и детям все равно будет сложно уделять достаточно внимания, а усталость может получиться большей, чем от ненормированного рабочего дня. Важно отметить, что на вопрос о предпочитаемых пронаталистских мерах политики отвечали только те респонденты, которые выразили желание иметь больше детей, чем у них уже есть, и поэтому на основе анализа данных МПН-2015 мы не можем сказать, каким было бы мнение о различных мерах семейной политики всех остальных людей (большинства), а ведь оно тоже имеет значение. При этом о количестве рожденных детей напрямую спрашивали только женщин, что тоже ограничивает возможности анализа. Наш анализ позволяет увидеть, что есть существенная дифференциация в восприятии мер семейной политики в зависимости от числа уже имеющихся детей, такая, что можно гипотетически выделить тех, кто не хочет иметь более двоих детей ни при каких условиях (их реакция на меры, нацеленные именно на третьего ребенка, существенно менее позитивная, чем у других групп), и тех, кто, возможно, хочет не более одного (они особенно высоко оценивают детские сады и другие меры, поддерживающие женскую работу), и (в сельской местности и при низком уровне образования) тех, кто хочет не более троих детей, поскольку их восприятие тоже существенно отличается от мнений тех, кто хочет больше детей.

В целом можно сказать, что приобретение жилья по беспроцентной ссуде, возможно, могло бы действительно повлиять на некоторые молодые семьи и ускорить рождение у них детей, особенно если рождение каждого ребенка позволяло бы не возвращать какую-то часть ссуды. Но нельзя утверждать, что результирующий рост рождаемости стал бы по-настоящему существенным, учитывая тот факт, что большинство имеет довольно четко определенные пределы того количества детей, которое им хотелось бы иметь.

Смертность, продолжительность жизни и здоровье населения. За последние полвека продолжительность жизни в России росла

у мужчин в общей сложности на протяжении 25 лет, а у женщин — 28 лет, и более половины из этих лет приходится на 2004—2016 гг.

Изменения смертности с 2003 г. носили восстановительный характер, поскольку в значительной части рост продолжительности жизни лишь компенсировал потери, понесенные в предыдущие годы. Заметим, что достигнутый к 2016 г. уровень продолжительности жизни в России все еще значительно отстает от уровня развитых стран. Так, российский уровень ожидаемой продолжительности при рождении 2016 г. отмечался во Франции у мужчин почти 60 лет назад, в 1958 г., а у женщин — 40 лет назад, в 1976 г.

За период с 2003 по 2016 г. рост ожидаемой продолжительности жизни у мужчин был в 1,5 раза выше, чем у женщин, как в городах, так и в сельской местности (соответственно у мужчин — 7,96 и 8,04 года и у женщин — 5,23 и 5,22 года). Начиная с 2013 г. у мужчин и с 2009 г. у женщин продолжительность жизни в каждый последующий год была выше, чем когда-либо в прошлом. Однако темпы роста продолжительности жизни существенно различаются и у мужчин, и у женщин по календарным годам, а также у городских и сельских жителей. Рост в 2003—2005 гг. был весьма медленным, особенно в сельской местности, а у сельских женщин вообще до 2005 г. можно говорить о стабильности уровня. После 2005 г. скорость заметно возросла, но неустойчивость сохранилась. В 2016 г. по сравнению с 2015-м рост ожидаемой продолжительности жизни незначительно отличался от среднегодового уровня 30-летнего периода: у мужчин рост составил 0,58 года, а у женщин — 0,35. При этом и у мужчин, и у женщин ожидаемая продолжительность жизни значительно выросла среди сельских жителей, чем среди городских (у мужчин соответственно на 0,67 против 0,54 года и у женщин — 0,46 и 0,31 года).

Росту продолжительности жизни существенно способствовало снижение детской смертности, но в последний период большее влияние на рост продолжительности жизни оказывало снижение смертности взрослого населения, о чем наглядно свидетельствует динамика ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 15 лет. В настоящее время продолжительность жизни 15-летних женщин выше, чем когда-либо в прошлом, но продолжительность жизни 15-летних мужчин в 1960—1964 гг. была несколько выше, чем сегодня.

В целом за период 2004—2015 гг. рост ожидаемой продолжительности жизни у женщин почти на половину (2,33 года, или 46,8% общего прироста) был обеспечен снижением смертности в возрастах 65 лет и старше от болезней системы кровообращения, в том числе на четверть от снижения смертности от инсультов и на 17% от ишемии. У мужчин наибольший вклад в рост продолжительности жизни внесло снижение смертности в трудоспособных возрастах от внешних причин и несколько меньше от болезней системы кровообращения, в первую очередь от ишемии. Меньшей значимости было снижение смертности в старших возрастах у мужчин от инсультов и ишемии.

Вместе с тем рост смертности в старших возрастах от других и неустановленных причин смерти снизил продолжительность жизни у женщин на 0,26 года и у мужчин на 0,10 года, а от болезней органов пищеварения — соответственно на 0,05 и 0,02 года.

У женщин наибольший по значимости вклад в рост продолжительности жизни вносит снижение смертности в старших возрастах от болезней системы кровообращения, в том числе несколько больше от ишемии, чем от инсультов. Также увеличило продолжительность жизни женщин на 0,08 года снижение смертности от внешних причин в средних возрастах. В то же время у женщин, как и у мужчин, отмечается рост смертности в старших возрастах от других и неустановленных болезней, что способствовало снижению продолжительности жизни соответственно на 0,15 и 0,06 года.

Серьезную проблему для России продолжает представлять огромный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между регионами, особенно если рассматривать городское и сельское население каждого региона как независимый объект наблюдения. В 2003—2015 гг. разрыв между минимальным и максимальным значениями у мужчин колебался в интервале от 21,9 до 25,7 года, у женщин — от 18,7 до 24,6 года при общей тенденции к увеличению этих различий. Так, в 2016 г. у мужчин разрыв еще больше увеличился и достиг рекордных 29,4 года, а у женщин, напротив, немного снизился по сравнению с предыдущим годом — до 22,5 года, но тем не менее он остается чрезвычайно высоким для развитой страны.

Анализ данных микропереписи населения России 2015 г. показал существенное региональное неравенство распространенно-

сти хронических заболеваний и инвалидности, увеличивающееся с возрастом и указывающее на наличие регионов-аутсайдеров (республики Алтай и Ингушетия).

Анализ тенденций неравенства смертности по образованию в России на основе доступных данных, в том числе с использованием данных МПН-2015 об образовательном составе населения, свидетельствует, что в целом ожидаемая продолжительность жизни для мужчин в возрастах от 30 до 70 лет (ОПЖ30—69) к 2015 г. выросла по сравнению с 1979 г. на 0,89 года, в том числе за счет благотворного изменения образовательной структуры населения на 2,04 года и снижения смертности лиц с высшим образованием на 0,23 года. Рост смертности в группах со средним и более низким уровнем образования сократил ОПЖ30—69 на 0,39 и 0,99 года соответственно.

Международная миграция. После того как в 2013 г. была введена, а в 2014 г. окончательно отлажена система автоматизированного учета мигрантов, пересекающих государственную границу, миграционный баланс, согласно данным Росстата, практически стабилизировался. Мигрантов из стран дальнего зарубежья и Балтии Росстат учитывает значительно полнее, чем МВД России, тогда как в отношении учета прибывших из СНГ преимущество у МВД.

Мигранты из СНГ чаще всего едут в Россию работать. Заявивших об этом прямо в 2016 г. было почти 4 млн человек из 6,2 млн поставленных на миграционный учет впервые, т.е. $\frac{2}{3}$. Немало едущих в поисках работы скрывается и среди декларирующих частные цели — 1,7 млн человек (26,8% потока). На учебу в Россию из СНГ приехало всего 233,1 тыс. человек (3,7%), и еще меньше (200,1 тыс., или 3,1%) отметили в качестве цели въезда туризм. Это намного меньше по сравнению с приехавшими из других стран. Например, учебный поток из Казахстана более чем в 3 раза перекрыл туристический поток и был примерно равен трудовому потоку.

Микроперепись 2015 г. подтвердила главную роль Украины в качестве российского донора. На уроженцев этой страны пришлось самая высокая в СНГ доля сменивших место жительства с 2010 по 2015 г. — 31,2%. В первую тройку стран по этому показателю, но со значительным отставанием от Украины вошли Казахстан (17,6%) и Узбекистан (13,7%).

Согласно Всеобщей переписи населения 2010 г., в России насчитывалось 10,5 млн уроженцев стран бывшего СССР (7,4% населения). По микропереписи 2015 г. таковых оказалось 6,3%, из них выходцев из Украины — 28,4% (в 2010 г. — 27,3%), из Казахстана — 24,2% (в 2010 г. — 23%), каждый 10-й родился в Узбекистане.

По данным ВПН-2010 чуть менее полумиллиона жителей России являлись уроженцами дальнего зарубежья. Среди них преобладали выходцы из Германии (33,6%), Китая (13,4%), Польши (6,9%), Венгрии (4%), Вьетнама (3,3%). Микроперепись 2015 г. зафиксировала повышение доли уроженцев Германии до 37%.

Из 135,5 тыс. уроженцев стран бывшего СССР, охваченных МПН-2015, 41,4% приехали в Россию до 1991 г., а еще 35,8% являются представителями этнических групп, традиционно проживающих в России, 24,8% — уроженцы других стран, которые составляют около 1,6% населения Российской Федерации.

За пятилетие между переписью 2010 г. и микропереписью 2015 г. среди уроженцев стран бывшего СССР заметно выросла доля имеющих образование не ниже среднего. Но произошло это при росте доли среднего профессионального и сокращении имеющих высшее и незаконченное высшее образование. Наибольшая доля мигрантов с высшим образованием — у приехавших из Туркмении и Украины. Но туркменский поток очень небольшой, а вот украинский вносит весьма весомый вклад в качество рабочей силы в России. Отметим, что среди выходцев из Туркмении много этнических русских, которые выехали из республики еще до 1991 г., в основном это квалифицированные специалисты, проживающие в крупных городах. Уроженцы Киргизии, Таджикистана, Азербайджана, Армении и Молдавии на фоне остальных республик выделяются пониженным уровнем высшего образования.

Объемы временной миграции в Россию после резкого сокращения в 2015 г. так и не вышли на докризисный уровень, более того, по сравнению с предыдущим годом в 2016 г. они уменьшились еще на 5—7%. Количество иностранцев, прибывавших с различными целями на территории России в течение 2016 г., колебалось вокруг отметки в 10 млн человек (максимум наблюдался в конце сентября — 10,4 млн, минимум — в конце декабря — 9,6 млн). Однако в отличие от предыдущего 2015 г. в 2016-м вновь проявилась

сезонность пребывания иностранцев, т.е. рост их численности летом и падение к концу года.

Численность группы, статистически определенной как «трудовые мигранты» (т.е. те иностранцы, кто при въезде в Россию указал в миграционной карте цель «работа по найму»), менялась в 2016 г. от 3,6 млн до 4 млн человек (в 2015 г. показатель колебался в пределах от 3,7 млн до 4,1 млн). Подавляющее большинство мигрантов данной категории (около 96%) были выходцами из стран СНГ, из дальнего зарубежья число прибывавших с трудовыми целями мигрантов не превышало 150—170 тыс. Пятерка стран — лидеров из числа доноров трудовой миграции в Россию выглядит следующим образом: Узбекистан (около 36% мигрантов), Таджикистан (19%), Киргизия (10%), Украина (9%), Армения (7%). Из стран дальнего зарубежья в лидерах Китай, КНДР и Вьетнам.

Далеко не все из тех, кто указывал при въезде в Российскую Федерацию цель «работа», оформляли затем разрешительные документы для трудоустройства. Число оформленных патентов и разрешений на работу (РНР) в 2016 г. по сравнению с 2015-м вновь уменьшилось, хотя и не так резко.

Подавляющее большинство патентов оформляли граждане Узбекистана и Таджикистана: на их долю пришлось 82% всех патентов, выданных мигрантам за 2016 г. (в 2015 г. — 77%). При этом граждане Украины получили только 11% патентов (в 2015 г. — 12%), хотя общая численность граждан этой страны на территории России близка к суммарной численности граждан Узбекистана и Таджикистана. Еще больше снизилась доля выходцев из Молдавии, использующих патент как инструмент легализации, — с 6% в 2015 г. до 4% в 2016-м.

Основной вклад в региональные бюджеты в виде ежемесячных платежей за патенты (44,9 млрд руб. в 2016 г., 33,3 млрд руб. — в 2015-м) вносят именно выходцы из Средней Азии — Узбекистана и Таджикистана.

Внутрироссийская миграция. С формальной точки зрения объемы внутренней миграции в 2016 г. не изменились по сравнению с предыдущим годом и составили 4131 тыс. человек. Однако в этой величине, характеризующей общее число переселений, чуть более четверти теперь составляет категория «возвратившиеся после временного пребывания на другой территории», появившаяся после

изменения методики учета миграции в 2011 г. Это означает, что фактически каждое четвертое внутреннее переселение может являться перемещением только «на бумаге»: люди могут оставаться в своих новых местах пребывания, но их учетные документы будут свидетельствовать, что они вернулись домой, так как закончился срок их регистрации, при этом какая-то доля, вероятно, возвращается реально, а какая-то оформляет новую регистрацию по месту пребывания на новый срок. Удельный вес этой не вполне понятной категории «возвращающихся» мигрантов, появившейся после изменения методики статистического учета миграции в 2011 г., нарастает.

Возросшие масштабы регистрируемой миграции (результат изменения упомянутой выше методики учета) в целом начиная с 2011 г., вели к увеличению перераспределения населения между территориями страны и росту показателей встречных потоков. Однако в 2016 г. перераспределение населения между федеральными округами и регионами снизилось.

В 2016 г. население продолжало перераспределяться в пользу Центрального, Северо-Западного и Южного федеральных округов. Однако по сравнению с началом 2010-х годов приток в Центр был несколько ниже, зато Северо-Запад усилил притягательность и уже почти не теряет население в миграции с Центральным федеральным округом. Увеличение миграционного прироста Южного федерального округа по сравнению с прошлыми годами обеспечило включение в его состав Республики Крым и г. Севастополя, по привлекательности эти территории сравнимы с причерноморскими территориями Краснодарского края. В 2016 г. впервые «абсолютным донором» всех округов стал Сибирский федеральный округ — он имел миграционную убыль со всеми прочими округами. До сих пор таковым был Дальневосточный федеральный округ, но по интенсивности миграционной убыли он все равно опережает Сибирский.

«Западный дрейф» (переток населения из округов азиатской части страны в европейскую) несколько уменьшился по сравнению с 2015 г. и составил 88,6 тыс. человек (в 2015 г. — 101 тыс.).

Центрами притяжения мигрантов остаются две крупнейшие агломерации и Краснодарский край. При этом постепенно разрыв между Московской и Санкт-Петербургской агломерациями сокра-

щается. Остальные центры, выделявшиеся устойчивым притоком внутрироссийских мигрантов в 1990—2000-е годы, очень сильно отстали от «лидеров», а некоторые из них (Самарская, Нижегородская области, Ставропольский край) больше не являются притягательными.

Распределение мигрантов по возрасту в 2016 г. сохраняло особенности прошлых лет. Возрастные профили внутристрановой миграции характеризуются острым пиком в возрасте 18 лет, что соответствует возрасту окончания школы и поступления в высшие учебные заведения. При этом внутрирегиональная миграция характеризуется сравнительно более ранним подъемом интенсивности потока, так как часть молодых людей переезжает в города для поступления в последний класс школы, а также в целях поступления в учреждения среднего профессионального образования. Межрегиональная миграция имеет второй пик в возрасте 21—22 лет, который связан либо с возвратной миграцией после окончания бакалавриата (специалитета), либо с переездом с целью обучения в магистратуре в другой регион, либо с иными перемещениями. Межрегиональную миграцию по сравнению с внутрирегиональной характеризует более высокая интенсивность в возрастах 25—45 лет.

В старших возрастах интенсивность миграции невысока, в целом по России «пенсионный» пик миграции не выражен. Однако он присутствует в выбытиях из северных регионов и прибытиях в соответствующих возрастах в некоторых южных регионах.

Согласно данным микропереписи 2015 г., 57,5% опрошенных проживали в месте постоянного жительства с рождения, 42,5% — не с рождения. Такое соотношение местных и неместных уроженцев более походит на данные ВПН-2002, когда доля местных уроженцев составила 55,8%, чем на данные ВПН-2010, — 46,2% соответственно.

Данные микропереписи 2015 г. позволили оценить накопленный уровень миграций к тому или иному возрасту. Так, кривая накопленной частоты когда-либо менявших место жительства круто взлетает вверх к 25 годам, достигая трети опрошенных, — это возраст, когда в основном завершается профессиональная учеба, приобретает специальность, молодежь обзаводится семьей и решает, где ей жить. Процесс накопления мигрантов с возрастом и далее остается довольно быстрым. К 80 годам в населении накапливается

619 мигрантов, хотя бы один раз переезжавших, на 1000 жителей (и соответственно 381 никуда не переезжавших из 1000). Доля россиян, не имевших опыта территориальной мобильности, — более трети, представляется весьма высокой. Здесь отражаются трудности с жилищной обеспеченностью, проблемы с пропиской и другие факторы, сдерживающие мобильность.

Мужчины заметно мобильнее по сравнению с женщинами: их накопленная мобильность в пожилом возрасте на 6,9 п.п. превышает женскую, в трудоспособном возрасте разница достигает 8,8 п.п.

До 24-летнего возраста городские и сельские поселения накапливают мигрантов почти с равной скоростью, затем село быстро опережает город. В возрасте 30—34 лет село по мобильности уже на треть опережает город, к старшим возрастам разница сокращается до 20%, а в 70-летнем возрасте показатели сравниваются. В преддверии периода, когда в стране будет отсутствовать естественный прирост молодежи в возрасте 20—29 лет, высокая мобильность сельских жителей особенно важна.

В ходе МПН-2015 впервые были собраны данные о месте регистрации населения: 85% опрошенных располагали регистрацией в помещении, в котором проживали, подавляющее большинство (83,7%) имели регистрацию по месту фактического проживания. Регистрацию по месту пребывания имели только 1,1%, что явно говорит о недоучете этой категории населения при микропереписи 2015 г.

В программе МПН-2015 также впервые был поставлен вопрос об отсутствующих в помещении сроком более одного месяца. Отсутствующие такой срок составили 1,4% опрошенных. На основании сравнения с другими источниками информации представляется, впрочем, что и эта цифра занижена. Среди причин отсутствия в помещении на сравнительно короткий срок (до одного года) преобладает работа, на срок 1—5 лет — учеба. Таким образом, микроперепись 2015 г. продемонстрировала те же ограничения для изучения миграции, что и всероссийские переписи населения.

Актуальные задачи. И сегодняшняя, и завтрашняя демографическая ситуация в России и, соответственно, порождаемые ею вызовы определяются, с одной стороны, тенденциями трех главных демографических процессов — рождаемости, смертности и мигра-

ции — и их взаимодействием, а с другой — сложившимся половозрастным составом населения.

Ответ общества на стоящие перед ним вызовы также может быть двояким.

Можно попытаться изменить тенденции демографических процессов, воздействуя на них мерами экономической, социальной, демографической и культурной политики, с тем чтобы привести эти тенденции в большее соответствие с неоспоримыми интересами общества. Примером такого ответа могут служить меры, направленные на снижение смертности.

Но не менее важно, воздействуя на те процессы и тенденции, которые поддаются изменениям, осознать, что современное демографическое развитие в России, как и во всех странах, порождает и такие тенденции, которые изменить нельзя. Пример — демографическое старение. В подобных случаях ответ на вызовы заключается не в том, чтобы противиться объективно неизбежным переменам, даже если они кажутся нежелательными, а в том, чтобы наилучшим образом приспособиться к необратимо изменившейся ситуации. Соответственно, и политика должна способствовать скорейшей адаптации общества к новым условиям его демографического бытия.

Россия, как и любое другое современное государство, сталкивающееся с демографическими вызовами, стоит перед необходимостью выработать и реализовывать политику в отношении всех трех демографических процессов: рождаемости, смертности миграции. И во всех трех случаях необходимо учитывать, что политика — это искусство возможного, хотя возможности каждого из трех направлений политики не одинаковы.

Наиболее ограничены возможности политики в области рождаемости, особенно если понимать ее как пронаталистскую, направленную на увеличение среднего числа рождений. Количественные цели такой политики не имеют большой перспективы. Возврат к высокой рождаемости прошлых эпох невозможен, потому что огромное снижение смертности сделало такую рождаемость ненужной. Речь может идти только о небольших подвижках в рамках низкой рождаемости, которые могут служить некоторым индикатором социального благополучия семей и в этом смысле оцениваться как позитивные, когда рождаемость растет,

или как негативные, когда она падает. Именно в этом смысл подерживаемого нами смещения акцента с «демографической» на «семейную» политику с точки зрения целей политики и используемых инструментов. Но сколько-нибудь существенного вклада в решение проблем недонаселенности России или структурных дисбалансов ее возрастной пирамиды такие подвиги внести не могут.

Намного больше нереализованных возможностей у политики охраны здоровья и снижения смертности. Об этом говорит сам факт отставания России по продолжительности жизни и по продолжительности здоровой жизни от очень многих стран, в которых эти возможности реализованы в гораздо большей степени. Ликвидация этого отставания — очевидная цель политики, однако учитывая, что в очень многих странах этот показатель уже сейчас превышает 80 лет и продолжает расти, достижение такой цели — очень непростая задача. Оно предполагает масштабный прорыв в эффективности всей деятельности, направленной на охрану здоровья и жизни людей, но он возможен только при концентрации на решении этой задачи намного большего внимания и больших ресурсов, чем сейчас.

И наконец, еще больше возможностей у миграционной политики, по крайней мере теоретически. Применительно к российской ситуации это вопрос об использовании иммиграции как демографического ресурса для компенсации естественной убыли и обеспечения демографического роста. Подчеркнем, что в данном случае речь идет не о временной трудовой миграции, необходимой для покрытия дефицита на рынке труда (это, скорее, экономический, а не демографический вопрос, хотя это тоже область миграционной политики), а о постоянной миграции, заканчивающейся натурализацией мигрантов и их превращением в полноправных граждан России. Здесь от политики зависит очень много, ее возможности весьма велики, хотя тоже не безграничны. Потенциальными источниками миграции в Россию, как и во все развитые страны, могут стать многие перенаселенные регионы Азии (в том числе и ближней к нам Азии) и Африки. Главные же ограничения связаны с «интеграционной емкостью» российского социума, она определяет порог, до которого прием мигрантов — представителей другой культуры, религии и т.п. не вызывает не-

довольства местного населения, не порождает напряжений и конфликтов. Расширение «интеграционной емкости» само становится важнейшей задачей миграционной политики, и от того, насколько успешно удастся решить эту задачу, зависит, в какой степени Россия сможет ответить на стоящие перед ней демографические вызовы.